

УДК 81'374.3(038)

БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ – РЕДАКТОР СЛОВАРЕЙ

Т.М. Николаева

Аннотация

Статья посвящена редакторской деятельности И.А. Бодуэна де Куртенэ, его участию в редактировании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1903–1909) и словаря В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)» (1908).

Интерес ученого к лексикографическим проблемам отразился в его работе над переизданием «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля, занявшей более 6 лет (1903–1909) и поставившей Бодуэна де Куртенэ в ряды крупнейших русских лексикологов. Помимо поправок и дополнений, указанных «ученой критикой» после первых двух изданий, новый редактор ввел в Словарь новые слова. В журнале «Новое время» (№ 12, 1903) он писал: «Я считаю своей редакционной задачей усовершенствование внешней отделки слов и исправление и включение слов, которыми обогатился живой язык за последние годы». Эти лексические дополнения составили 20 тысяч слов, в результате чего Словарь Даля увеличился на 16 процентов. Однако уважительное отношение к первоначальному труду автора-составителя было столь велико, что Бодуэн свои нововведения всюду обозначил условными знаками. Это уважение сказалось и в сохранении знаменитых «комментариев» Даля, включающих толкования не только филологического, но и профессионального толка, связанные с промыслами, ремеслами, естествознанием, медициной, по поводу чего редактор писал в Предисловии к третьему изданию: «Даль должен был остаться Далем – и он им остался. Из текста не выпущено ни одного слова...».

Известно, что В.И. Даль ввел гнездовой принцип расположения материала; по его мнению, это способствует «постижению духа языка и раскрывает законы его словообразования», однако создал «ложные» гнезда, объединив этимологически неродственные лексемы: *простой-простор*, *акт-актер-акция*. При этом необъединенными оказались слова, обнаруживающие генетическую общность: *дикий-дичь*, *знак-значок*, *круг-кружить* и др. Бодуэн вывел из гнезд Даля чуждые элементы, разбивая гнезда на несколько, если там находились разнокорневые слова, поместив их по алфавиту с указанием ссылок на соответствующие гнезда. Разделяются графические «гомонимы», которые для точности снабжены порядковыми цифрами. Эта работа восстанавливала в правах каждое из образований, незаконно попавших в Далевское гнездо. Устраняя «ложные этимологии», составляющие самую слабую сторону Словаря Даля, редактор упростил структуру Словаря и тем самым значительно облегчил нахождение

слов, а также способствовал максимальному его приближению к современному состоянию этимологической науки.

Одним из нововведений явилось то, что в отдельных статьях жирным шрифтом отмечены различные формы имен и глаголов, причем не только именительного, но и косвенного падежей, указаны как исходная, инфинитивная форма глагола, так и лицо, наклонение, при этом особое внимание обращается на ударение.

Давая толкование заимствований – «чужесловов», В. Даль показал образцы индивидуального словотворчества: в его понимании *гимнастика* – *ловкосила*, *автомат* – *живуля*, *кокетка* – *хорошиха*, *пурист* – *чистяк*, *любезничать* – *пичужить*. В целом сохранив подобные импровизации, Бодуэн знакомит читателя с написанием иностранного слова в языке-оригинале с указанием на его источник.

Бодуэн стремился восстановить в правах «живое, настоящее». Это касалось не только сохранения им многочисленных пословиц и поговорок, но и «бранных слов», которые им включены в Словарь Даля достаточно впечатляюще. О причинах и закономерностях появления арго и необходимости его изучения он писал: «Научная точность каждого толкового словаря со стороны самого материала является в отражении действительности в жизни и воззрениях данного народа. Если жизнь является дикою и безобразною, составитель или же редактор должен примириться с этим печальным фактом и не может ограничиваться замалчиванием. Сказанное относится ко всему: сквернословиям, ругательствам, мерзостям площадного жаргона. Лексикограф не имеет права урезывать и кастрировать «живой язык». Раз известные слова существуют в умах громадного большинства народа и беспрестанно выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету» [Даль 1909: 4].

В Предисловии к Словарю В.Ф. Трахтенберга его редактор высказал мысль о необходимости изучения «тайного» языка, «жаргона тюрьмы», или «блатной музыки, составляющей» достоверный материал для психолога, для этолога (теоретика или историка этики или нравственности), для юриста (теоретика и практика), для фольклориста, для исследователя народной словесности и прежде всего для лингвиста или языковеда. «Блатная музыка» есть один из русских «говоров», конечно, не в обыкновенном смысле этого слова [Трахтенберг 1908: 12].

Указывая на титульной обложке, что словарь составлен «по материалам, собранным в пересыльных тюрьмах: Петербургской, Московской («Бутырки»), Виленской, Варшавской, Киевской и Одесской, в тюрьмах: в «Крестах», в «Доме предварительного заключения», в «Дерябинских казармах» (ПБг), в «Каменщиках» (Москва)», Бодуэн вносит коррективы в понимание самой номинации «жаргон тюрьмы», которая многими воспринимается слишком локально: это словарь не только воров, мошенников и шулеров, но и некоторых других профессий, заслуживающих «не столько презрения, сколько сострадания и прощающего понимания», да и вообще, пишет ученый, «где грань между преступным и не преступным миром?» [Бодуэн де Куртенэ 1908: 18].

Первые свидетельства о языке различных социальных групп находим в Словаре Даля, ч. 1, 1863, с. 158, а также в романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы», опубликованном в «Отечественных записках» 1864–1866, в книге С.В. Максимова «Сибирь и каторга», 1871 и Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», 1872. Здесь приводится небольшое количество словарного материала «музыки» – языка воров, мошенников и языка тюрьмы. Чем дальше, тем больше расширялась эта общая база, ставшая известной под именем «блатной музыки», которая стала общеразговорным жаргоном преступного мира. Наиболее полными фиксациями этого «языка» явились указанные Словарь В.Ф. Трахтенберга, вышедший в 1908 году с Предисловием и под редакцией Бодуэна де Куртенэ и «Словарь воровского и арестантского языка» В.М. Попова, Киев, 1912. Для Словаря В.Ф. Трахтенберга Бодуэн выписал из сочинения Г.Н. Брейтмана «Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников», Киев, 1901, «все попадающиеся в нем слова преступного жаргона и ссылками на него пополнил предлагаемый здесь словарь» [Бодуэн де Куртенэ 1908: 7].

Как отмечал в Предисловии к Словарю Бодуэн де Куртенэ, «блатная музыка» является «продуктом международного общения того класса/общества, к которому принадлежат тоже и ее русские носители. Носители «блатного промысла» и «блатных специальностей» принадлежат ко всему народу, ко всему человечеству. Благодаря этой международной русская «блатная музыка» всосала в себя не столько заимствованные слова, вынесенные с разных стран света, сколько своеобразные ассоциации значений, возникшие в чужой племенной среде, но вместе с тем, хотя в гораздо менее значительных размерах, и иноязычное построение слов и выражений, и даже иноязычные особенности произношения, насколько они совместимы с чисто русским фонетическим обликом этого языка. Про составные элементы «блатной музыки» можно сказать, что они в значительной степени дают нам или общие международные «корни», или же, по крайней мере, международный, общечеловеческий способ ассоциации значений слов со всеми метафорами, иносказаниями и т. п.» [Бодуэн де Куртенэ 1908: 13].

Действительно, интернациональное общение представителей преступного мира сказалось в формировании блатного словаря, прежде всего, из польских и немецких аргю. Сам термин «блатной» перешел из немецкого через польский *Rotwelch*. В немецком *Blatter* – вор, *blot* – доверенный, согласный на что-либо, польское *blot* – укрыватель краденного, *blatny*, *blotny* – преступный, то же, что в русском аргю. Эти лексемы (*блат* – преступление, *блатной* – член преступного мира) впервые зафиксированы в Словаре В.Ф. Трахтенберга.

Можно также отметить такие заимствования, как *шниф* – кража, кража со взломом, *шнифер* – взломщик, ночной вор (нем. *schniffen* – красть, *Schniffer* – вор), *фрайер* – жертва шулера, мошенника, вора, нем. *Freier* – то же самое, *хавировать* – подсовывать постороннему украденную вещь, в немецких аргю – *Chawre* – воровская компания, а *Chawer* – ее член, в польских аргю *Chawira* – скрытое убежище. Вероятно, на семантике слова сказалось украинско-польское значение глагола *ховать* – прятать, хранить, скрывать.

Лексема *капать* – доносить, выдавать, русская по звучанию, также заимствована: сравните в немецком *harren* – поймать, выдавать, предать, в польском с тем же значением *karowac, karac*. Фонетически русские, но по семантике заимствованные глаголы *засЫпать* – выдать, *засЫпаться* – попасться, в польском арго – *zasypac, zasypac sie* – в том же значении. Вероятно, в данном случае следует говорить не о прямом заимствовании, а переводах арготических глаголов, подвергшихся семантической трансформации, с сохранением того же или близкого значения. То же: стрелять – красть, просить милостыню, ср. в немецком *schiesen* (стрелять) – воровать.

Кроме того, в блатном жаргоне представлены иноязычные слова неарготического происхождения: *роба* – одежда, *бан* – вокзал, *гранда* – крупная кража, *форс* – деньги (от франц. *Форсе* – сила) для *блезиру* (фр. *плайзир*) и др.

Довольно значительны в словаре заимствования из украинского: *майдан* – кусок сукна, расстилаемый на нарах для игры в карты и для торговли, отсюда *майданик* – тюремный ростовщик, *торбохват* – вор, крадущий на базаре у крестьян, *канать* – бежать, *канай* – сигнал об опасности, *шкапа* – деревенская кляча, *шибинница* – виселица.

Естественно использование в словаре многочисленных диалектизмов, например, сибирское *варнак* – каторжник, *челдон-чалдон* – сибиряк, *вода* – в сибирских острогах – предупреждение об опасности. Диалектные *оброть, обротка* – уздечка – способствовали возникновению лексемы *обротник* – конокрад, *тырить* – толкать, прятать, скрывать, красть, отсюда *стырить* – украсть, *перетырить* – передать краденое, *затырить* – упрятать. *Барахло*, зафиксированное в словаре со значением «всякая вещь, представляющая известную стоимость, может быть выставлена во время тюремной игры вместо денег, как-то: чай, сахар, белье, сапоги, платье, инструменты» также является диалектизмом и отмечено еще «Опытом областного великорусского словаря» и Владимиром Далем.

Наконец, заслуживают внимания заимствования из прежде существовавших, старших арго. Московский термин *жулик* возводится к офенскому *жуль*, *жулик* – ножик (*жулить* – резать) – один из тех арготизмов, которые получили право гражданства в литературном языке. Из прежнего, офенского – *клевый* (замечательный), *барыга* (скупщик краденного), *баланда* (жидкая каша), *винт* – побег и др.

В Словаре практически отсутствуют комментарии этимологического характера, о чем предупреждает в Предисловии редактор: «Этимологические объяснения составителя словаря даются только как догадки, и они вовсе не претендуют на безошибочность. Некоторые из них явно ошибочны, а другие опять очевидно верны» [Бодуэн де Куртенэ, 1908: 19]. Поэтому считаем себя вправе не принимать во внимание этот аспект работы составителей лексикона.

Особо следует сказать о словах, которые появились путем семантического переосмысления. Интересен тот факт, что морфологическое словообразование почти не участвует в возникновении новых слов, во всяком случае, морфемных производных, за исключением субъективно-оценочных, мы в Словаре не нашли, зато семантически трансформированных новообразований здесь представлено множество. Так, вызванные к жизни торжественностью, значимостью судебной процедуры семантически производные составляют целый пласт ме-

тафоризированной лексики: *венчание* – суд над преступником, *повенчать* – осудить, *митрополит* – председатель суда, *дьячок* – судебный пристав, *шафферы* – присяжные и др. Из других семантических дериватов – *чердачок* – жилетный карман, *перо* – нож, *собачка* – висячий замок, *голуби*, *снег* – белье, *рыжий*, *веснушчатый* – золотой, *веснухи*, *подсолнух* – золотые часы, *колесо* – серебряный рубль, *колеса* – сапоги, *лягавый*, *борзой* – предатель, *шпана* – коренное тюремное население (возможно, от *шпанка* – порода овец, которые в стаде кажутся серыми и однообразными). Этот список пополняет ряд образных глаголов и глагольных выражений: *загнуть в пузырек* (бутылку) – раздражить, вывести из себя, *загнуть* – продать, *заливать* – врать, *арапа заправлять* – не платить долгов, *завести волюнку* – выразить протест, *винта дать*, *винта нарезать* – убежать. Данный перечень наводит на мысль о возможном переходе нейтральной лексики в воровской жаргон. Однако ни в одном словаре, изданном в XIX веке («Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнение» к нему, Словарь Даля, Словарь Академии наук и др.) мы слов с указанной семантикой не найдем. Приходится согласиться с тем, что все эти слова впоследствии попадали в русский литературный язык по мере «отпадания» их от «тайного жаргона». Получившие столь широкое распространение в начале советской эпохи: *буза*, *мура*, *шамать*, *на большой палец с присыпкой*, *катись квадратной колбасой*, происхождение которых неизвестно (А.М. Горький назвал их «речевым мусором», а употребление в литературе – «поощрением фабрикации литературного брака»), исчезли из языка.

В «Блатной музыке» представлены достаточно длинные синонимические ряды, что свидетельствует о богатстве выбора и возможности замены старых образований новыми: *стоять на страже* – *на стреме*, *на цинке*, *бугай* (бумажник) – *финал*, *шмука*, *лопатка*, *боковня*, *тувиль*, *кожа*, *лопатина*, *баланда* – *кондер* и *подъебуриха*, *шулер* – *гастролер*, *аристократ*, *исполнитель* и др. Иногда к синонимическому ряду даются комментарии с указанием диалекта или географического бытования лексем: *барыга* – в Москве – *мешок*, в южных губерниях – *блатак*, в западном крае – *гура*.

Безусловной заслугой составителя Словаря и его редактора является всестороннее осмысление семантики слова, что сказывается на достаточно пространной и исчерпывающе объемной его интерпретации, иногда – с перечислением синонимов, использующихся представителями разных воровских профессий, а также с указанием на причинность появления подобной номинации. Так, слово *бабки* имеет следующее толкование: деньги, преимущественно – кредитные билеты. На жаргоне мошенников они называются *финагами* или *барашиками*, на жаргоне шулеров выигранные ими деньги называются *игрушками*, а находящиеся пока еще у «пассажира» – партнера по игре – *кровью*. Отсюда – *пустить кровь* – обыграть, *пошла кровь носом* – партнер начал расплачиваться. Кредитные билеты разного достоинства носят разные названия, даваемые либо по созвучию данного слова с самим названием, либо по цвету того или другого билета. Так, например, рублевый билет называется *кенарем* или *канарейкой*, трехрублевый – *попугаем*, пятирублевый – *петухом*, десятирублевый – *карасем* (красная купюра), тысяча рублей – *косою* или *косухою* (дано Бодуэном по Брейтману).

В Предисловии Бодуэн пишет, что «предлагаемый сборник содержит в себе богатый материал для исследователей «поэтического», т. е. созерцательного, не аналитического, воспринимания того, что существует и происходит как в нас самих, так и предположительно в так называемом «внешнем мире». Многие слова и выражения искрятся своеобразною иронией и юмором, который чаще всего подходит под понятие т. н. «виселичного» юмора» (Galgenhumor). Но мы не должны забывать, что в переживаемое нами время нам необходимо упражняться и совершенствоваться именно в «виселичном юморе». А то без этой поддержки нам просто пришлось бы отчаяться и... повеситься. Спасибо «блатной музыке за укрепление в нас этого столь драгоценного и живительного настроения» [Бодуэн де Куртенэ, 1908: 14–15].

Если говорить о юморе, то он, как и народная мудрость, богато представлен в приложении к словарю в виде пословиц, поговорок, присказок, о чем говорил Бодуэн: «Ведь лингвистическая «блатность» сказывается не только в отдельных словах, которым присвоено своеобразное значение, но и тоже в особенных необыкновенных сочетаниях слов с присвоенными им своеобразными ассоциациями» [Бодуэн де Куртенэ, 1908: 19]. Приведем лишь некоторые из них: *Всякому замку отмычка, Вор попал – мир пропал; Тяп-ляп, клетка в угол, сел – и печка (конец); Что мне законы, когда судьи знакомы; Ночь-матка все кроет гладко; Люди горох молотить – воры замки колотить* (осенью число краж увеличивается)...

Редакторская деятельность Бодуэна де Куртенэ в области лексикографии до сих пор остается не оцененной научной общественностью. Вместе с тем, работа ученого по усовершенствованию словарей представляет серьезный, основательный труд, требующий дальнейших филологических изысканий.

Summary

T.M. Nikolaeva. Boduen de Kurtene as an editor of dictionaries.

The article reveals the editor's activity of Boduen de Kurtene – his participation in editing of the “Толковый словарь живого великорусского языка” dictionary by Vladimir Dal (1903–1909) and V.F. Trachtenberg's Dictionary “Блатная музыка (The slang of prison)” (1908).

Литература

1. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Предисловие к словарю В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)». – СПб., 1908. – 23 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – 1909. – Ч. IV. – Послесловие. – С. 7.
3. *Трахтенберг В.Ф.* «Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы)» / Под ред. и с предисловием проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1908. – 129 с.

Поступила в редакцию
16.02.05

Николаева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.